

История в контексте антропологии власти

Тупаев А. В.,
кандидат политических наук,
доцент Института философии и социально-политических наук ЮФУ,
avtupaev@sfedu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты использования властью истории для легитимации политического порядка. На основании концепции Х. Арендт определяется роль истины разума и истины факта как инструментов когнитивного сопротивления в конфликте политики и истины. Демонстрируется специфика формирования политики памяти в контексте антропологии власти.

Ключевые слова: история, истина, антропология власти, факт, политика памяти.

В современной России популярна фраза «без знания прошлого нет будущего». Отмечу, что возможны различные выражения данной мысли, так как сама фраза превратилась в идеологему и, на первый взгляд, включает в себе простую логическую взаимосвязь: знания о прошлом необходимы для действий в настоящем и планирования будущего, однако при реализации такого принципа возникает ряд вопросов. Например, как можно застраховаться от монополизации истории, в первую очередь со стороны властно-управленческого аппарата, чтобы предотвратить манипулирование «исторической обусловленностью» и почему все попытки осуществить это в российской политике терпят неудачи? Возможно ли формирование коллективной памяти вне содержания исторических фактов, преимущественно основываясь на мнениях, и какую роль в данном процессе играет истина разума как продукт науки и философии? Это только некоторые вопросы, которые возникают при рассуждениях о роли прошлого в настоящем, взаимосвязи истории и политики. Однако ответы на них не следует искать в анализе только конструктивистских и идеологизированных практик реализации власти, закрепленных в формализованных конституциях или других нормативных актах. Все эти конструкции сразу перестают быть сдерживающим фактором для истины, как только исчезает главный субъект легитимации, а власть при этом начнет судорожно вторгаться в историю, внося удобные для нее корректировки, чтобы сохранить свое положение. Яркое тому свидетельство — начавшиеся процессы десталинизации на государственном уровне с марта 1953 года. Однако даже если признавать право за каждым поколением переписывать собственную историю, то это право распространяется только на переконструирование фактов, но не может деформировать сам фактологический материал [Арендт Х., 2014, с. 352]. С позиции сохранения фактов особую ценность имеют такие работы, как книга С. Чупринина «Оттепель: События. Март 1953 — август 1968» [Чупринин С., 2020], хронологически демонстрирующая процессы культурной жизни указанного периода. Примечательно то, что факты и идеи, находясь в подавленном состоянии тоталитарным контролем, при первой возможности превращались в основания

для осмысления и критики сложившейся социально-политической системы и властно-бюрократического аппарата¹. В этой книге меня поразило, насколько истина зависима от власти, над ней всегда сохраняется угроза замалчивания, ложной интерпретации и физического устранения человека как ее носителя. Сталинизм продемонстрировал ненужность философии, критического мышления и потребности в самой истине, так как она приобретала единственный центр выражения в виде мнений вождя [Огурцов А. П., 1989]. Социальные и гуманитарные науки рассматривались как идеологизированный инструмент для обслуживания аппарата власти и ее легитимации [Макаренко В. П., 2019]. В каком-то смысле оттепель вторглась в антропологию русской власти, пошатнула ее, отодвинула от крайней формы тоталитаризма, актуализировав конфликт между политикой и истиной. Чтобы понять сущность идеи конфликта, следует обратиться к работам Х. Арендт, в которых детально описана проблематика взаимосвязи истины и политики. Природа конфликта не лежит в рамках морали, поэтому не может разрешиться моральным порицанием, правдивость никогда не причислялась к политическим добродетелям. Ложь всегда допускалась как приемлемый инструмент в политике, а потребность в истине, т. е. высвобождение от лжи, можно приравнять к покушению на сакральность и легитимность власти. По сути, монополизация истины и ее транслирование есть одна из особенностей антропологии власти. Логика рассуждения подталкивает нас к вопросу: что же тогда может противостоять лжи в политике?

Обратимся к роли истории и философии, которые наделяют индивида возможностью быть первостепенным носителем истины: первая позволяет реализовать истину факта в роли участника или свидетеля, вторая позволяет создавать истину разума, к которой относятся философские и научные истины [Арендт Х., 2014, с. 340]. По мнению Х. Арендт, истина факта более подвержена воздействию со стороны власти [Арендт Х., 2014, с. 341], о чем свидетельствуют искажение исторических событий, попытки создать единый учебник для преподавания истории, а также препятствие открытию государственных архивов. Сам факт государственной тайны и возможности засекретить данные создает условия, при которых власть дозирует знания о фактах. Препятствовать разрушению этой монополии на основании существующего законодательства практически невозможно. Гражданские институты, которые вступают в борьбу за истину с властью, подвергаются дискредитации в российском обществе, более того, носители знаний о фактах самоустраиваются от публичного обсуждения, так как этот процесс требует личностной смелости, а с недавнего времени наказуем в административном и уголовном порядке. Следовательно, в российском обществе конфликт между политикой и истиной локализуется именно в противостоянии с истиной разума. Данный тезис могут подтвердить взаимоотношения между властью, идеологией, философией и наукой как в советский, так и в постсоветский периоды. Основной технологией противостояния истине со стороны власти выступает система организованной лжи, которая наполняется различными мнениями, преимущественно высказываемыми представителями властно-управленческого аппарата. От этой системы лжи не спасает знание фактов, так как существует сконструированная реальность, в которой теряется сущность понятий

---

¹ Свидетельством такого процесса является роман Дудинцева В. Д. «Не хлебом единым».

и событий, а индивид принуждается к необходимой версии интерпретации истории и реальности.

Власть в обществе является универсальным механизмом при реализации любых человеческих отношений на основании ее культурно-антропологических характеристик, способна навязывать свою волю через авторитет или насилие. Антропологический аспект власти позволяет взглянуть на властные отношения с позиции культурно-социологического ракурса, не ограничиваясь конструктивистскими подходами к пониманию механизмов реализации власти. Тоталитарные режимы XX века продемонстрировали, что власть заключена не только в определенных институтах и государственных инстанциях, а обладает диффузной субъектностью, не имеет границ распространения. Такой взгляд позволяет объяснить провал десталинизации в России и откат к практикам усиления властного аппарата. М. Фуко подвергал критике классическое понимание власти, наделяя ее такими характеристиками, как анонимность и абстрактность [Фуко М., 1996]. Следовательно, традиционные институты власти, такие как государство, правительство, органы законодательной власти, не отражают значимое содержание природы власти. Данные представления привели к тому, что социально-гуманитарные науки обогатились такими выражениями, как «власть технологий», «власть повседневности», «власть истории» [Вахштайн В. С., 2012, с. 5–8]. Например, в политических науках взаимосвязь истории и власти, легитимация политического порядка на основании исторического прошлого, коллективная память находятся в области исследовательского поля — политики памяти. Диффузность власти расширяет границы концептуального анализа, исследований институтов и полномочий власти, технологий ее реализации становится недостаточно, иными словами, власть всегда более чем власть.

В конце прошлого века в отечественной политической науке развернулась дискуссия о концепции «русской власти» [См.: Макаренко В., 1998; Фурсов А., Пивоваров Ю., 1998]. Авторы рассматривали исторический путь России через специфику государственной власти, особенность реформ и функционирования властно-управленческого аппарата. Антропологию власти современной России В. Подорога характеризует «как один из уровней исследования властных отношений в обществе, тестирование условий, при которых власть воспроизводит себя» [Подорога В. А., 2021, с. 227]. Однако при этом констатирует, что нет ни одного политического режима в истории, где бы власть, обладая безнаказанностью, не привела бы к самоуничтожению, нанося колоссальный урон обществу [Подорога В. А., 2021, с. 226]. На наш взгляд, трагизм такого урона преимущественно не в том, что рушится государственность, а в том, что общество, находясь под тотальной опекой власти, утрачивает стремление к сохранению истины, пребывает в состоянии восприимчивости к самым одиозным идеям. Застраховать от такой ситуации возможно через культивирование в обществе ценности истины факта и разума, обеспечивая контроль власти через формирование гражданского общества, которое может выступить ограничителем власти и носителем альтернативных представлений о реальности. Однако курс на демократизацию не есть панацея, способная повлиять на сущность власти, без детального разбора специфики российской модели конфликта истины и политики не следует рассчитывать на успех реализации правовых и демократических практик. К такому выводу приходит и В. Подорога, увязывая усиление

власти с неудачной политикой проработки национальной памяти, которая подверглась грубой идеологизации и фальсификации. Политическая и экономическая нестабильность 90-х годов нивелировала ощущение сопричастности с трагическим прошлым сталинского периода, да и в общем с советским социальным порядком. Современная российская власть, используя исторические факты, берет за основу своей легитимации именно 90-е годы, формирует убеждения, что именно этот период нашей истории является тем, который не должны повторять, а причина неудач реформ связывается с чуждой демократией и либерализмом, при этом негативные воспоминания о советском периоде попадают в рамки социальной амнезии.

Власть стремится использовать политику памяти для легализации существующего порядка, формирования социально-политических ценностей, мобилизации населения и национального единства. Однако существует ряд вопросов как философско-политического характера, так и обыденно-социального о влиянии прошлого на настоящее, ответы на которые без широкой общественной дискуссии получить невозможно. Концептуальная проблема такой дискуссии — осмысление системы тотальной лжи: обществу жизненно необходимо самостоятельно взглянуть на свою национальную историю через взаимосвязь истины фактов и истины разума. Позволение власти распоряжаться фактами и трактовать прошлое приводит к фундаментальным ошибкам и социальным противоречиям, более того, власть не способна навсегда подменить фактическую реальность, и факты будут заявлять о себе, как только ослабнут механизмы контроля, а латентно присутствующий конфликт истины и политики может приобрести вполне реальные формы противостояния.

Литература

1. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 416 с.
2. Вахштайн В. С. От политической антропологии к социологии власти // Социология власти. — 2012. № 4–5. — С. 5–8.
3. Макаренко В. П. Собрание сочинений: в 3 томах / В. П. Макаренко. — Ростов-на-Дону — Таганрог: Южный федеральный университет, 2019. — 474 с.
4. Макаренко В. Русская власть (теоретико-социологические проблемы). — Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998. — 448 с.
5. Огурцов А. П. Подавление философии // Суровая драма народа. — М.: ИПЛ, 1989. — С. 353–374.
6. Подорога В. А. Время после. Освенцим и ГУЛАГ: мыслить абсолютное зло. — М.: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021.
7. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. — М.: Магистериум-Касталь, 1996. — 448 с.
8. Фурсов А., Пивоваров Ю. Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. — 1998. Т. 1. № 3. — С. 87–117.

9. Чупринин С. Оттепель: События. Март 1953 — август 1968. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 1192 с.

References

1. Arendt H. *Mezhdú proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenij v politicheskoy mysli* [Between the past and the future. Eight exercises in political thought]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2014. 416 p. (In Russian.)

2. Chuprinin S. *Ottepel': Sobytiya* [Thaw: Events]. March 1953 — August 1968. Moscow: New Literary Review, 2020. 1192 p. (In Russian.)

3. Foucault M. *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [Will to Truth. Beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Magisterium-Castal, 1996. 448 p. (In Russian.)

4. Fursov A., Pivovarov Yu. *Russkaya Sistema: genesis, struktura, funkcionirovanie: (Tezisy i rabochie gipotezy)* [Russian System: genesis, structure, functioning: (Abstracts and working hypotheses)]. Russian historical journal, 1998, vol. 1, no. 3, pp. 87–117. (In Russian.)

5. Makarenko V. P. *Sobranie sochinenij: v 3 tomah* [Collected works: in 3 volumes]. Rostov-on-Don — Taganrog: Southern Federal University, 2019. 474 p. (In Russian.)

6. Makarenko V. *Russkaya vlast' (teoretiko-sociologicheskie problemy)* [Russian power (theoretical and sociological problems)]. Rostov-on-Don: Publishing House of the SKNTs VSH, 1998. 448 p. (In Russian.)

7. Ogurtsov A. P. "Podavlenie filosofii" [Suppression of philosophy], in: *Surovaya drama naroda* [Severe drama of the people]. Moscow: IPL, 1989. Pp. 353–374. (In Russian.)

8. Podoroga V. A. *Vremya posle. Osvencim i GULAG: myslit' absoljutnoe zlo* [Time after. Auschwitz and the Gulag: to think absolute evil]. Moscow: LLC Group of Companies "RIPOL classic", 2021. (In Russian.)

9. Vakhstein V. S. *Ot politicheskoy antropologii k sociologii vlasti* [From political anthropology to the sociology of power]. Sociology of power, 2012, no. 4–5, pp. 5–8. (In Russian.)

History in the context of the anthropology of power

Tupaev A. V.,

Candidate of Political Sciences,

Associate Professor of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences,

Southern Federal University,

avtupaev@sfnu.ru

Abstract: The article discusses some aspects of the use of history by the authorities to legitimize the political order. Based on the concept of H. Arendt, the role of the truth of reason and the truth of fact as tools of cognitive resistance in the conflict between politics and truth is determined. The specificity of the formation of the policy of memory in the context of the anthropology of power is demonstrated.

Keywords: history, truth, anthropology of power, fact, politics of memory.